

ЖЕНЩИНА КОТОРУЮ ЗВАЛИ КОРОЛЕВА

18+

ОЛЕГ ПЕТ

Олег Пет

Женщина которую звали королева

«Автор»

2026

Пет О.

Женщина которую звали королева / О. Пет — «Автор», 2026

Он существовал, как дым от сигареты в непроветренной комнате серый привычный безвкусный. Жизнь директора небольшой компании отчеты папки и одинокие вечера в кресле у окна. Но пришла она. Она ворвалась не столько в дверь, сколько в сам воздух его существования, как вспышка магния в сумерках. С ней пришла фотография — не просто снимок, а яркое, дерзкое полотно, которым она, смеясь, закрасила всю его унылую реальность. А потом случилось непоправимое. Он ее потерял. Словно кто-то выключил солнце в самый ясный день, и наступила не ночь, а нечто иное — плоская, беззвучная пустота. Он понял, что на век. И началась охота. Он перебирал женщин, как в детстве перебирал игрушки в поисках одной-единственной. Искал ее смех в чужих улыбках, отсвет ее взгляда в посторонних глазах. Не находил. И тогда отчаяние накрывало с головой — тягучее, как дешевый коньяк, и такое же беспощадное. Остался лишь один вопрос А что если бы? Что если бы повернулось тогда иначе? Но ответа не было. Только тишина

© Пет О., 2026

© Автор, 2026

Олег Пет

Женщина которую звали королева

Черногория

Машина рвалась вперед с каким-то злым, животным упрямством. Шины взвывали на виражах, цепляясь за раскаленный асфальт, будто пытаясь удержать нас в этом мире. Я машинально вдавливал педаль газа в пол. Стрелка спидометра уже давно перевалила за сто, но это была всего лишь цифра – абстракция, которая не имела отношения к сжавшемуся в комок инстинкту внутри.

Дорога петляла, как змея, по горному хребту. С одной стороны – каменная стена, с другой – пропасть, залитая ослепительным июльским солнцем. Черногория. Красота здесь была пышной, почти наглой, и от этого немного тоскливой. Рядом сидела Диана. Жгучая брюнетка с восточными глазами, в которых читалась тысячелетняя лень и сокрытое высокомерие. Её фигура под легким платьем дышала таким обещанием, что хотелось свернуть с дороги прямо в пропасть – только бы обладать этим здесь и сейчас.

Она сохраняла ледяное спокойствие, но я видел – в уголках её надменно сжатых губ пряталась тонкая, как лезвие, дрожь чистого животного страха. Этот страх был слаще любого алкоголя.

Черный «БМВ» с откинутым верхом слушался руля послушно, почти покорно. Арендная машина, чипованная под пятьсот лошадей, как уверяла улыбающаяся менеджерша. «Ну что ж, посмотрим, что у тебя под капотом», – бросил я, поймав в зеркале её натянутую улыбку. Не ей. Диане.

Зачем? Ради самого движения. Ради воя ветра, который срывал мысли, как сухие листья. Мне остервенело не хватало этого – чистого, беспримесного адреналина, который выжигает изнутри всю накипь будней. Той самой накипи, что зовется жизнью ген.директора. Акции, контракты, бесконечные лица поставщиков с одинаковыми улыбками – всё это осталось там, далеко, в сером тумане Петербурга. Родина. Это слово звучало сейчас как диагноз.

Здесь, в Черногории, мы с Дианой остановились в «Королеве». Уютный люкс, вид на море, которое сияло, как дешёвая открытка. Первые два дня мы провалялись на пляже, отравляя тело солнцем и местной винно-рачной смесью. А на третий – я сел за руль. Потому что отпуск – это не отдых. Это попытка сбегать от себя прежнего. И сейчас я сбегал. Оставались только рёв мотора, красивая, напуганная женщина рядом и эта бешеная, бессмысленная скорость, уносящая нас в никуда.

Несмотря на настойчивые взгляды моей спутницы, я продолжал эту адскую гонку, словно на всаднике пришедшего из другой эпохи. От нашего отеля, уютно расположенного в живописном местечке, Рафаиловичи, мы уехали достаточно далеко. Впереди замаячил незнакомый городской пейзаж – Подгорица, столица сказочной Черногории.

– Ну что же, – подумал я, – сделаем остановку. Разведем местные достопримечательности и заодно выпьем кофе. Душа требовала крепкого черного напитка.

Когда черный BMW неспешно заруливал на парковку кафе в центре города, моя спутница, глядя на меня с надеждой, произнесла:

– Саша, я все же надеюсь выпить сегодня пива. Что-то разморило на жаре.

И действительно, день выдался жарким. Солнце крепко встало в зенит, и время неумолимо двигалось к обеду.

Устало миновав зевак, чьи глаза прилипли к нашей машине, как мухи к патоке, мы шагнули в кондиционированную прохладу бара. Прохладу, что обволакивала, как вторая кожа – чужая и временная. Внутри пахло полумраком, старой древесиной и пылью, которую не выме-

тают до конца. Цветные стекла мозаики в окнах коптили свет, превращая его в тягучую, окрашенную субстанцию, что лениво стелилась по столешницам. Двое за стойкой, оторвавшись от своих стаканов, бросили на нас быстрые, оценивающие взгляды – взгляды людей, которые давно научились мерить чужаков на вес и стоимость. Потом так же неспешно вернулись к своему разговору – тихому, монотонному, полному местных, незнакомых смыслов.

Здесь время текло иначе. Гуще. Медленнее.

Черноволосый официант возник у столика внезапно, будто вырос из самой тени. Безупречно белый фартук был на нем, как униформа на солдате чужой армии. Слова полились скороговоркой, обволакивая гортанными звуками незнакомого языка. Я отгородился от них стеной английского, медленно, по слогам: «Два салата. Черный кофе. И пиво».

Улыбка мелькнула на его лице – быстрая, профессиональная, понимающая больше, чем сказано. «Понятно. Сделаем», – бросил он с легким акцентом, что выдавал опыт сотен таких же случайных встреч, и растворился так же бесшумно, как и появился.

Она уже утонула в холодном сиянии телефона, ее лицо озарено призрачным светом.

«Интересно, – голос ее прозвучал отстраненно, из другого измерения, – как он догадался, что мы русские?»

Вопрос повис в воздухе, смешавшись с запахом кофе и старого дерева. Самый неважный вопрос на свете. В мире, где узнают всегда. По глазам, по молчанию, по той особой усталости, что носят с собой, как неизлечимую болезнь.

Я задумался. «Возможно дело было в опыте или еще чем-то, да впрочем уже не важно.»

Напряжение спадало, как вода сквозь пальцы – медленно и неотвратно. После той бешеной пляски на горном серпантине, где каждый поворот грозился стать последним, адреналин наконец отступил, обнажив тихую, почти звенящую пустоту внутри. Я погружался в неё, как в тёплую воду, – плавно и без сопротивления. Дрожь в руках утихла, колени перестали отбивать свою дикую, невольную дробь. Теперь можно было просто существовать. Дышать. Смотреть.

Местные завсегдатаи, черногорцы, были похожи на саму эту страну – добродушные, солнечные, с морицинками у глаз от смеха. Народ, у которого улыбка – не гостья, а постоянный житель на лице. Стоило поймать чей-то взгляд, и в ответ тут же расцветала эта лучезарная, безоружная улыбка. Простой знак. «Ты здесь свой, и ничего плохого не случится». Это располагало. Размягчало душу, затвердевшую в дорожной пыли и борьбе за каждый метр асфальта.

«Не то, что эстонцы», – мысленно поморщился я. В памяти всплыл хмурый Таллин, серое небо, прижатое к черепичным крышам, и лица – закрытые, так словно запертые на все замки. Недобрые взгляды, скользящие мимо, и это показное, упрямое непонимание. Холод, идущий не от моря, а от людей.

Размышления оборвали быстрые, точные движения официанта. Он бесшумно расставил перед нами заказ – салаты, кофе, пиво. Всё на своих местах, как в чётком, простом мире.

«Всё ли правильно?» – спросил он, и в его взгляде читалась не столько вежливость, сколько профессиональная уверенность.

Кивнув, я отпустил его. Он растворился за стойкой, словно и не было его вовсе. Остались лишь мы, тишина, да эта странная, заслуженная мирная усталость, которая дороже любого возбуждения.

Что теперь?» – спросила она с усталым любопытством. В её взгляде было скорее желание поймать частицу внимания, чем получить ответ.

«Мы же едем в Острог», – отхлебнув горького, обжигającego кофе, откинулся я в кресло. Плечи сами собой расправились, будто с них сняли невидимый, но осязаемый груз.

«Хорошо, я просто уточнила... Не поменялось ли что», – чирикнула Диана. Ветер бешеной гонки растрепал её волосы, и один упрямый локон, который она то и дело пыталась уложить, снова и снова спадал на лоб. Я спокойно наблюдал за этой маленькой, забавной борьбой. В ней была вся она – настойчивая и чуть беспомощная.

Ну что ж, в конце концов, всё к лучшему. Сорваться, улететь, оставив там, далеко, все дела, все эти важные и ненужные заботы. Здесь же не было ничего. Только мы. И целых две недели впереди – огромный, почти невообразимый кусок времени, принадлежащий только нам.

«Нам ещё долго?» – не отрываясь от своей неравной борьбы с прядью, продолжила она.

«Час. Может, меньше. Там дорога горная – посмотрим, как пойдёт», – ответил я, не сводя глаз с её пальцев, снова и снова безуспешно пытающихся утихомирить непокорные волосы.

«Что ж, хорошо... Я много загадала... Мне надо...» – она не решилась закончить фразу, оставив её висеть в прохладном воздухе бара, среди запаха кофе и тихого звона посуды. Мне надо. Два самых простых и самых сложных слова на свете. Они говорили обо всём – о надежде, об усталости, о том смутном ожидании счастья, в которое уже страшно верить до конца.

Да, путь наш лежал в горы. К монастырю Острог, прилепившемуся к скале, как последнее прибежище отчаявшихся. Там, в каменной утробе, покоились останки святого Василия Острожского. Мы слышали рассказы – их передавали шёпотом, с оглядкой, словно боялись спугнуть саму возможность чуда. Рассказы о том, как отступали болезни, перед которыми пасовали светила медицины. Местные знали эти истории наизусть. И приезжали сюда целыми семьями, с котомками и пустыми глазами, просить, молиться, бить поклоны на холодном камне. Уходили они, как правило, с другим выражением лица – в глазах появлялась та самая хрупкая, но упрямая штука: надежда. И многие, говорят, получали просимое.

Мы с Дианой тоже решили попросить. В этом не было ничего оригинального – только простая, животная тоска по здоровью. Я – за мать, которая уже который год медленно угасает в четырёх стенах своей комнаты. Она – за дочь. Кира ей четырнадцать лет, а в медицинской карте – приговор мелким шрифтом: мышечная дистрофия. Генная ошибка, выпавшая, как роковая карта, девочке. Кортикостероиды, физиотерапия – всё это лишь оттягивало конец, создавало иллюзию борьбы. Полного выздоровления не обещало ничто. Никто.

И вот теперь мы сидели здесь, напротив друг друга, объединённые одной простой и страшной, как выстрел, целью – здоровьем тех, кого любили больше себя. Две одинокие крепости, осаждённые одним и тем же горем. И, между нами, на столе лежала невысказанная мысль: а что, если эта древняя вера, эта надежда, высеченная в камне, – последнее, что у нас

осталось? Последний патрон в обойме. Последняя надежда на побег из невыносимой реальности.

Ну что, поехали?! – голос Дианы, словно нежный ветер, вырвал меня из темных глубин грустных размышлений.

Да, Ди – именно так лаконично, но с любовью, я называл её. Она грациозно поднялась, как пантеры, готовящиеся к прыжку, и направилась к выходу. Я торопливо рассчитался с улыбочивым официантом, оставив щедрые чаевые. Тот, с особым теплом в глазах, смотрел нам вслед, словно понимая, что сейчас начинается нечто важное.

BMW взревел, как лев, наполнив воздух мощной энергией форсированного мотора. Мы тронулись в путь – к надежде, к мечте, которая едва теплилась в наших сердцах.

Острог

Дорога уже привычно петляла горными изгибами. Но теперь она сжималась, как удав, и повороты становились злее. Рулю уже не верилось в удачу – резкие рывки лишь подчеркивали хрупкость нашего железа и наших тел над пропастью. Я сбросил газ. Спутница моя выдохнула – не звук, а лишь тень облегчения на лице. Она обмякла в кресле, отдавшись усталости, и от этого стало еще труднее отрываться от нее глаза.

Я ловил моменты – когда дорога позволяла. Ее профиль, улыбка, расточаемая в пространство, сладость голоса, еще висящая в воздухе. От всего этого внутри отзывалась глупая, простая теплота. Счастье? Нет, что-то древнее и проще – облегчение от того, что ты не один в этой вечной пустоте под названием жизнь.

Мыслями я вернулся к нашему нелепому знакомству. Она модель. Я фотограф. Фотография – одно из немногих убежищ, где можно спрятаться от бессмыслицы. Берешь в руки камеру – и унылый, выцветший мир вдруг наряжается на карнавал, начинает кричать цветом и формой. Такой была и она. Красивая, неприступная и с душой, пропахшей сигаретами и дешевым коньяком – в этом была ее отчаянная, порочная правда.

Объявление я дал циничное: «Ваше тело – моя съемка». Ответ пришел через два часа: «Готова. Когда начнем?» Я не ожидал такой прямоты. Уже на следующий день, в знакомой до тошноты студии, я в нетерпении настраивал софтбоксы, эти ящики с искусственным солнцем. Она вышла из гримерки – и весь этот свет померк. Такой красоты, готовой на размен, я еще не видел. Она была как картина старого мастера, где святость граничит с грехом. Я замер, забыв про камеру.

«Ну что, начнем?» – бросила она вызов. Я нажал на спуск с такой силой, будто хотел убить этот миг, чтобы он никогда не вернулся. Щелчок затвора прозвучал как хлопок дверцы в тишине. Кадр был сделан. Запечатлен не реальный человек, а призрак невероятной, но такой доступной реальности.

Дальше – все плыло, как в дурмане. Свет, дым от машины, пестрые фоны – все смешалось в один долгий, изматывающий танец.

«Я хочу сняться в белье». Ее тихий голос прозвучал как выстрел в упор в тихой комнате.

«Да», – попытался я выдать из себя, но голос сорвался.

А она уже стояла передо мной. Ажурные чулки, просвечивающая накидка, открывающая взору то, о чем мужчины молча мечтают в своих одиноких койках.

«Давай в следующий раз», – взмолился я, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

«Нет. Сейчас». Она топнула каблуком – маленький, но отчетливый звук моего приговора.

Я понял. Капитуляция не принимается. Война продолжалась, но теперь – с новой, сладкой и горькой ожесточенностью.

Так или иначе, наша странная фотосессия продолжилась в ближайшем итальянском ресторане. Я сидел за столиком, сжимая в кармане кулак, собирая в него последние крохи самообладания. Перед глазами все еще стояли ее позы – дерзкие, откровенные, на грани вызова. Она же, моя спутница, была спокойна, как поверхность озера после шторма. Ее взгляд лениво скользил по интерьеру – фальшивым балкам, бутылкам в стеллажах, тусклым светильникам. Здесь было тепло и уютно, обманчиво уютно. За стеклом чернел февраль – петербургский месяц, который не знает ни тепла, ни жалости. Он выжидает, этот город, всегда выжидает.

«Когда будут готовы фото?» – спросила она, и ее голос прозвучал неожиданно звонко в этой мягкой, застойной атмосфере.

«Пара дней», – брякнул я слишком живо, как человек, доложивший по команде. Она кивнула, но в ее молчании, в полуопущенных ресницах, в легком движении руки к бокалу читалось ожидание. Тяжелое, осязаемое. Чего она ждала? Или это лишь мираж, порожденный усталостью, одиночеством и ее соблазнительными формами, навсегда запечатленными в холодном объективе? Ловушка разума.

Мысли путались. Что, если спросить прямо? Рискнуть всем этим шатким, только что возникшим миром? И тогда, почти не думая, движимый слепым импульсом, я выпалил:

«Поедем ко мне?»

Фраза повисла в воздухе, как дым сигареты, ударилась о низкий потолок и упала обратно, глухая и неуклюжая. Наступила пауза. Тяжелая, громоздкая, заполненная тиканьем часов и далеким звоном посуды. Черт. Похоже, все испортил. Идиотский, отчаянный жест. Так думают, прежде чем прыгнуть в бездну.

«Поехали», – сказала она просто. И подняла на меня взгляд – прямой, смелый, без тени улыбки. Она говорила это так, словно принимала вызов. Не мне – судьбе. Той самой судьбе, из цепких лап которой пытаешься вырваться в долгие, одинокие ночи. Когда разговариваешь с тенями на стене, как с последними гостями в своем давно опустевшем доме.

Она отпила вина, поставила бокал. Дело было сделано. Никакого отступления.

Ланд Крузер взревел турбированным мотором – низко, глухо, будто проснувшийся в бетонной норе зверь. За стеклом поплыл серый февральский город, знакомый до тошноты, до сжатых челюстей. Я боялся дышать. Чтобы не спугнуть это хрупкое, необъяснимое перемирие, которое возникло, между нами.

Она сидела рядом, улыбаясь одними уголками губ. Так улыбаются, когда вспоминают что-то давнее, слегка горькое.

«Я живу на Парке Победы», – неуверенно выдавил я. Будто проверял: звучат ли еще слова в этом внезапном сне. Она кивнула. Кивок был сгорбленный, усталый – кивок человека, кото-

рый слишком много видел, чтобы удивляться таким мелочам, как чей-то адрес или нелепая встреча.

Я аккуратно вёл «Крузак». В голове, против воли, крутились сюжеты. Один нелепее другого. Мне, которому уже за сорок, и это неземное создание рядом... Я даже не спросил, сколько ей лет. Двадцать два? Двадцать пять? «Я и она» – звучало как плохая шутка. Как выдумка усталого сознания, которое решило сыграть с собой в последнюю, жестокую игру.

«Саша, я попрошу – не выкладывай мои фото, хорошо?» – пропела она, и голос её был лёгким, будто не касался земли.

Я закусил губу. «Да. Хорошо».

Выкладывать фотографии своих работ было моей маленькой, единственной слабостью. Единственным доказательством, что я ещё здесь, что что-то могу. Но сейчас я не мог ответить иначе. Никто бы не смог. Потому что иногда в жизни бывают минуты, когда ты готов отдать все свои доказательства – лишь бы ещё немного побыть в тишине этого странного, невозможного перемирия.

Тяжелый замок, старый добрый привратник моей сталинской однушки, сдавленно скрипнул, уступив натиску. Дверь отворилась – неохотно, будто жалея о темноте и покое, что остались за ней.

Она вошла. И в одно мгновение всё пространство передней наполнилось её запахом. Пахло свежескошенными травами, цветами и чем-то ещё – не городским, не купленным. Так пахла весна. Настоящая весна. Та, что осталась там, в деревне, в тех далёких, выцветших временах, когда бабушка была ещё жива, и можно было гулять с собакой дотемна, и мир казался бескрайним и простым.

Я вдохнул полной грудью. Глубоко, с жадностью, будто пытаюсь вытянуть в себя не только аромат, но и ту самую ушедшую пору.

«Возьмёшь куртку?» – её голос вырвал меня из плена воспоминаний, словно крючком. Я вздрогнул.

«Да... прости», – неуклюже протянул я руки, чувствуя себя неповоротливым, грубым. «Проходи... на кухню». И тут же, охваченный внезапной суматохой, бросился в комнату, пытаясь спрятать разбросанное бельё, следы одинокого, неубранного быта. «У меня... не убрано», – пробормотал я в пустоту, уже понимая, что скрыть этот беспорядок – и в комнате, и в душе – всё равно не удастся.

Она тихо опустилась на стул, оглядев кухню одинокого человека. Все здесь было просто, без изысков – грубая функциональность быта. Недопитый стакан чая, вчерашний стейк, уже покрывшийся тонкой пленкой времени. «Нальешь кофе?» – ее вопрос прозвучал просто и уместно, как будто она всегда здесь сидела.

Я пожал плечами. «Тебе с молоком?»

«Да, только без сахара». Ее глаза смотрели прямо на меня. И в них было то же ожидание – ожидание или избавление. Избавление от того, что мучило не одну ночь, что записалось

на тяжелый замок ожидания, запретное и желанное одновременно. От чего сводило скулы и не давало дышать.

Я посмотрел на нее, сделал шаг. Она встала. И в миг наши тела прильнули друг к другу, словно близнецы братья, наконец-то нашедшие друг друга в скупой действительности. Я не целовал ее – я пил. Пил ее жадно, как путник, добравшийся до воды в пустыне. Она, прижавшись ко мне всем телом, тихо дрожала – мелкой, частой дрожью пережитого страха или ожидания. Я чувствовал эту дрожь всем существом, и внутри у меня гудело, как от раскатов колокола после долгой тишины.

«Где у тебя ванна? Мне нужно принять душ». Ее голос был приглушенным, хрипловатым.

Не в силах оторваться от ее упругого тела, я лишь открыл дверь и пропустил ее вперед. «Быстро», – пробормотал я, хотя сам не знал, что это значит.

Я плюхнулся на кровать. И это всё? Никаких «это после свадьбы»? Или «нам надо лучше узнать друг друга»? Вот так просто и незамысловато? Разве так бывает? Разве это я – тот самый, кто вечно смотрит на жизнь из-за стекла, не решаясь постучать? Неужели я вытянул тот заветный билет, о котором втихомолку мечтают все, но боятся в этом признаться даже себе?

Мои размышления прервали быстрые, легкие шаги в коридоре. Она вошла в комнату и сбросила полотенце. В тот миг я пожалел, что у меня нет камеры под рукой. Если на этом свете и было что-то прекраснее, то оно находилось сейчас здесь, в моей убогой комнате, залитой тусклым светом уличного фонаря. И это, несомненно, была она. Диана. Единственная реальность в мире, состоящем из теней и осколков.

Долгий, хриплый гудок встречной машины врезался в сознание, как нож в масло. Вернул. Вернул в реальность, которая внезапно стала вертикальной. Дорога резко рванула вверх, будто пытаясь сбросить нас назад, и там, на подъеме, сжалась в каменный горлышко, узкое до неприличия.

Я вдавил педаль тормоза глубже. BMW завыл, как загнанный зверь, почуявший клетку. Он рвался вперед – скорость была его религией, его оправданием. Но тут уже была не дорога, а горная тропа, вырубленная для коз да отчаянных голов. Неожиданность. Глупая, опасная неожиданность.

Габариты авто были зажаты в тиски: с одной стороны – холодная, серая щека скалы, ободранная до голого камня, с другой – пустота. Бездонная, молчаливая, дышащая сырým холодом снизу. Адреналин ударил в виски, горький и пьянящий. Я сбросил обороты до минимума, до тягучего, невыносимого урчания. Руки на руле дрожали мелкой, нервной дрожью. Я почти не видел дороги – лишь смутную полосу пыли под колесами. Движение стало животным, инстинктивным – тело вело машину, разум отступил, парализованный.

«Ты уверен, что мы здесь проедем?» – обернулась она. Голос Дианы был тихим, но в нем не было паники. Был лишь холодный, отстраненный интерес.

«Судя по следам, тут уже кто-то отметился», – выдавил я, чувствуя, как челюсти свело от напряжения. Следы. Чьи-то, давние, едва заметные в грязи. Призрачное утешение.

«Ну, хорошо», – заключила она, отворачиваясь к окну и явно стараясь не смотреть в ту зияющую пустоту. «Стараюсь не смотреть в пропасть». Еле слышно пролепетала она.

Наше испытание растянулось еще на целую вечность. Я вел машину, как по канату, ориентируясь не на разметку – ее тут и в помине не было, – а на шершавую, неприступную стену скалы. Сантиметр за сантиметром.

«Неудивительно, что здесь нет нормальных дорог», – пробормотал я, не отрывая глаз от серой стены в двух пальцах от зеркала. «Черногорцы прятали где-то тут мощи святого Василия от турок. В таких местах и прячут. На краю света. Здесь и монастырь основали.»

«Смотри, вроде впереди пошире», – указала Диана.

И точно. Тропа внезапно сдалась, развернулась, и я, не веря своему счастью, плавно, на выдохе, вкатил на крошечную площадку, больше похожую на уступ. Парковка. Конец. Тупик, но прекрасный, долгожданный тупик.

«Всё», – выдохнул я, заглушив двигатель. Внезапно наступившая тишина оглушила. Я вытер платком пот со лба, соленый и холодный. «Можно выходить. Конечная. Чаевые водителю приветствуются».

Диана, распахнула дверь и вышла, чуть пошатываясь. Потом обернулась, и на ее лице дрогнула нервная, сбивчивая улыбка. Похоже, эта поездка была для нее не просто дорогой. Это было пограничье ее страхов. И мы его пересекли.

Впереди темнела каменная громада обители, прилепившаяся к скале, как последнее пристанище от всех ветров. Мы вошли внутрь, и тишина обрушилась на нас – густая, почти осязаемая, пропитанная запахом каменной сырости, воска догоревших свечей и чего-то еще – может, старых молитв, навсегда впитавшихся в эти стены.

Шла служба. Священник в тяжелых, потемневших от времени ризах мерно выводил слова, и голос его, глуховатый и усталый, сливался с сумраком. Людей было немного – горстка теней в полумраке. Но вера в них горела тихим, упрямым огнем. Кто-то стоял на коленях, вжавшись в холодный камень пола, кто-то, сжав кулаки, шептал отчаянные, немые молитвы. Здесь, в этом подземелье тишины, все казалось сценой из какого-то другого, давно забытого мира – мира, где отчаяние имеет вес, форму и право на голос.

Мы с Ди молча встали в хвост очереди к мощам. Они покоились в простом гробу, наполовину прикрытые выцветшей голубой плащаницей. К ним подходили по одному – медленно, с той особой, замедленной грацией глубокой надежды или глубочайшей усталости. Когда подошла моя очередь, я шагнул вперед – не от смелости, а от какой-то внутренней необходимости, будто долг надо было исполнить. Преклонил колена, губы коснулись грубой ткани. И я молился. Отчаянно, без слов, одним сплошным сгустком тоски – за мать, за себя, за Ди. И за ее Киру – маленькое, незнакомое мне имя, которое теперь вдруг стало частью этой тихой паники.

Эта девочка. Кира. Она сидела на подоконнике в далеком, хмуром городе, который когда-то назывался родным, и ждала. Просто ждала, как ждут дождя, который всё равно пойдет. Помощи. От кого? Бог знает. Но бабушка уже хлопотала на кухне, гремела кастрюлями, словно это могло защитить от всего, что снаружи. За окном тыла серая картинка дождей, и только этот маленький домашний шум – чайник, шипение масла на сковороде, старая кофта на спинке стула – ещё удерживал мир от того, чтобы окончательно рассыпаться.

Кира ни о чём не просила вслух. Она просто ждала, сжимая в кулаке край свитера, а бабушка ставила перед ней кружку с молоком, и это было единственной помощью, которую человек ещё может получить, когда всё остальное уже потеряно.

Краем глаза я увидел ее. Диана стояла, сжав руки, и на ее лице была написана такая нагота надежды, такая незащищенная, иступленная вера в чудо для своей девочки, что мне захотелось снова опуститься на колени и просить, просить до тех пор, пока не сорвется голос. Она молча заняла мое место у гроба, а я, не оборачиваясь, пошел к выходу, давась комом в горле.

Через несколько минут она вышла. По ее лицу текли слезы – две ровные, молчаливые струйки. Она отворачивалась, пытаясь их скрыть, сделать вид, что это всего лишь тень от свечи. Я не сказал ни слова. Просто обнял ее, притянул к себе, в складку своей нелепо красной майки.

Просите, и дано будет вам. – вдруг прорезало память обрывком давно забытого.

Она уткнулась лицом мне в плечо, и сквозь тонкую ткань майки я чувствовал жар ее слез. Они были обжигающими. Сердце сжалось, стало тесно и больно. Я молча гладил ее по спине – легкие, неумелые движения, будто боясь сломать что-то хрупкое в ее согнувшихся плечах. Гладил, как гладят испуганного зверя, который нашел временное укрытие, но все еще слышит за спиной лай псов.

Роковой обгон

Побродив здесь еще около часа – просто так, без цели, подчиняясь тому праздному любопытству, что иногда берет верх над осторожностью, – мы купили пару безделушек на память. Потом засобирались в обратный путь. Мысль о том, что придется снова проползать по той же горловой петле, не настораживала – она пугала. Откровенно и глубоко.

«Дай я посмотрю другую дорогу», – сказал я, доставая телефон. Навигатор, холодный и безразличный, тут же выдал объездной маршрут. Цена – плюс тридцать минут. Я посмотрел на Ди. Она молча кивнула – один короткий, решительный жест. Договор был заключен. Я уверенно ткнул в «Проложить маршрут».

BMW привычно взревел, почуяв долгожданное пространство вместо каменных тисков. Я перевел рычаг в «драйв спорт». Облако пыли, поднятое нами, медленно и печально оседало, словно провозжая нас в путь, которого лучше бы не было. Я выкрутил магнитолу на полную, и теплый ветер, ритмичный бит и красавица справа от меня слились в один опьяняющий коктейль. Эта дорога, хоть и длиннее, была создана для скорости – ровная, с плавными изгибами. И я, поддавшись глупой бравате, вдавил акселератор в пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.